

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ XVII В. В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОКОВ. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭКСКУРСЫ БАЛЬТАСАРА ГРАСИАНА

Делается попытка анализа как известных в нашей стране, так и не переведенных сочинений испанского писателя-гуманиста в качестве исторического источника. Внимание при этом акцентируется на оценках писателем современной ему истории Испании и других европейских стран.

Ключевые слова: *Бальтасар Грасиан, испанский абсолютизм, испанская гуманистическая литература.*

Попытка посмотреть на ту или иную эпоху, на то или иное историческое событие глазами современников всегда представляет интерес для историка. В данном случае такая попытка будет касаться исторических взглядов крупного европейского мыслителя переходной эпохи – испанца Бальтасара Грасиана (1601–1658). Это имя известно в основном почитателям классической литературы. О научном же наследии писателя, как и об испанской историографии этого времени в целом, в отечественной историографии практически ничего не написано. Нашему читателю Грасиан известен прежде всего как ярко выраженный философ-моралист, критик пороков человеческих, что и нашло свое отражение в его двух главных сочинениях «Карманный оракул» и «Критикон». Здесь действительно специально к политическим темам автор практически не обращается, что дало основание одному из крупнейших знатоков творчества Бальтасара Грасиана Л. Е. Пинскому заметить: «Политическая мысль Грасиана, законченного моралиста, – наиболее слабое звено его концепции человеческой жизни» [1, с. 499]. Вместе с тем и названные, и более ранние сочинения Грасиана (в данном случае будут привлечены не опубликованные у нас «Герой» и «Политик») содержат целый ряд исторических экскурсов с интересными, глубокими наблюдениями и выводами автора, могущими помочь в попытке нарисовать более полную и яркую картину политической истории Испании и соседних государств на переломе двух эпох.

Бальтасар Грасиан-и-Моралес родился в Арагоне в семье лекаря. Получил воспитание в иезуитской школе в Таррагоне, после принятия в 1636 г. обета он получает должность проповедника иезуитской коллегии в г. Уэске. Главным же занятием Грасиана стала литературная деятельность. За свою независимость и язвительный тон он попадает в немилость к руководству ордена, лишается права преподавания и проповедничества и высылается из Сарагоссы в провинцию. Еще при жизни автора его сочинения переиздавались несколько раз, а, например, его «Оракул» до настоящего времени выдержал более 120 (!) изданий на разных европейских языках. За остроумие и необыкновен-

ные критические способности Л. Е. Пинский не без основания сравнивает Бальтасара Грасиана с Вольтером [1, с. 511].

Грасиан не был ни политиком, ни историком в полном смысле этого слова. Он не ставил своей целью описать историю страны или чьего-либо правления. Он – прежде всего умный, внимательный наблюдатель. В его наблюдениях современной действительности, чаще изложенных в форме диалога вымышленных героев, отражается и сама эпоха, и отношение к ней автора.

Если обратиться к общей характеристике и оценкам писателя современной ему эпохи, то чаще приходится использовать такие определения, как горечь и разочарование. Грасиан утверждает, что «прошлое было не в пример лучше», восклицая при этом: «О, когда же возвратятся те прежние гиганты, сыны славы!» [2, с. 457–458]. Эти «гиганты» и «сыны славы» жили и творили великие дела, по мнению писателя, в судьбоносные для Испании и всей Европы XV и XVI столетия. Сетуюя на то, что современный мир и современное общество несовершенны, Грасиан во всем винит самих людей: «Бог сотворил мир полный порядка и совершенства, а человек все смешал», «люди сами все испортили, все вверх дном перевернули, вот и получился ералаш, от коего поныне страдаем» [2, с. 388]. Писатель жил в эпоху, когда Испания переживала не лучшие времена своей истории. Из страны, в XVI в. взлетевшей на небывалые высоты своего экономического и военного могущества, к середине следующего XVII столетия она откатывается на второстепенные позиции в Европе. Убежденный патриот, умный и внимательный наблюдатель, Грасиан не мог не видеть этих перемен и не переживать за свою страну. Он пишет, что «Фортуна отвернулась от Испании, которую ранее одарила всякими благами, обеими Индиями и многими другими странами и победами...» [2, с. 162]. Как писатель-моралист основные причины случившегося он видел в людях, прежде всего в перерождении элиты общества. Грасиан считает, что в условиях общего благоденствия (в XVI в., когда в Испанию хлынули потоки драгоценных металлов и других богатств из Америки и других открытых и завое-

ванных ею территорий), многие устремились к личному обогащению, к роскоши, предав забвению интересы государства. «Где больше роскоши, тем сильнее власть порока, – замечает автор “Критикона”, – чаще становятся жертвами своих пороков и погибают дети богачей, знати и государей» [2, с. 101]. В целом ряде аллегорических глав «Критикона» современную ему Испанию он называет «золотой тюрьмой». Когда, например, герои «Критикона» вошли во дворец (читай – Испанию), который был весь из чистого золота, они увидели там скупцов-накопителей в рваных одеждах, но в золотых цепях и кандалах... Роскошь и золото портят людей, в стране процветает взяточничество и казнокрадство: «...для людей пробный камень золото: к чьим рукам оно липнет, те люди не настоящие, а фальшивые. Ежели мы узнаем, что смазали руки судье, тотчас его из судейского кресла на судовую скамью; прелат, что огребает пятьдесят тысяч песо дохода, при всем его красноречии, не златоуст, но златолюб; капитан с парчовыми галунами да пышными перьями – наверняка ошпыливает солдат, а не кормит...» [2, с. 183].

Испорченность нравов современного общества Грасиан во многом связывает с неуважением к религиозным традициям. Главным врагом в данном случае он считает протестантизм. Взгляды Грасиана-иезуита здесь вполне естественны в условиях продолжающейся в Европе католической реакции и заключаются в резком порицании «еретиков-реформаторов». Идея защиты католицизма и порицание сторонников реформированной церкви прослеживается практически во всех работах писателя. Например, в «Политике» он считает, что «более знаменитым Фердинанда сделало не столько установление своей монархии, сколько создание инквизиторского трибунала и то, что он выгнал из Испании евреев» [3, р. IV]. В «Критиконе» Грасиан хвалит короля Филиппа Счастливого за то, что тот «очистил Испанию от морисков», замечая при этом: «...будь такие короли в других странах, пришел бы конец безбожию и ересям, схизме и язычеству» [2, с. 214]. В противовес названным испанским королям-хранителям веры, Грасиан с неприкрытой ненавистью и сарказмом пишет о «королях-отступниках» – англичанах Генрихе VIII и Карле Стюарте. Так, читаем в «Критиконе» о Генрихе VIII: «...проплыв большой путь с попутным ветром хвалы и снискав славное прозвище Защитника веры Католической, он разбился о риф распутства и потонул в ереси вместе со всей злосчастной страной». «При Карле же, – продолжает автор, – ересь показала чудовищную свою слепоту и король погиб слепцом, и подданные обезглавили его, ослепленные; даже трудно решить, кто был более слеп – подданные ли, с беспримерной свирепостью казня своего короля, или он сам, не желая признать себя католиком. Возлюбив причинившую ему столько бед ересь, потерял он обе жизни, потерял оба венца – временный и вечный – и, хоть легко мог достичь бессмертия, объявив себя католиком, погиб в обоих смыслах: и еретики его казнили, и католики не похвалили» [2, с. 487].

Кроме отмеченного, одной из причин несчастий современной эпохи Грасиан считает войны. Здесь, впрочем, следует заметить, что в своих частых рассуждениях о войнах и воителях, писатель не всегда последователен и часто противоречив. С одной стороны, обращаясь к славному прошлому Испании, он прежде всего восхваляет ее военные достижения, а его герои – прежде всего блистательные воины: «Гонсало Фернандес, завоевавший неаполитанское королевство; герцог де Альба, покоривший Португалию, и Фернандо Кортес – Индию (так Грасиан называет Америку. – А. Б.); Карл VIII, захвативший Неаполь; «католический король Фердинанд, взявший Гранаду, и его внук Карл V, – всю Германию» [2, с. 463]. В трактате «Герой» автор замечает: «Известность великих обязана их воинственности, воинственное имеет больше похвального, чем мирное, оно наполняет века славой» [4, р. IX]. Критически относясь к современным правителям, Грасиан опять же подчеркивает: «...ныне политики и военачальники обмельчал, раньше короли сами сражались». «Героический правитель, – замечает далее автор, – должен находиться в гуще событий, лично участвовать в предприятиях, руководить армией, а не созерцать их со стороны» [2, с. 462–463]. С другой стороны, практически во всех сочинениях Грасиана прослеживаются его пацифистские настроения и неприятие насилия как во внешней, так и во внутренней политике. Так, в трактате «Политик» он пишет: «Королевское величие не в том, чтобы драться, а в том, чтобы править», правда уже буквально на следующей странице читаем: «Военная сила – основа славы, правитель без оружия – мертвый лев, которого даже зайцы пинают» [3, р. II]. Как проповедь убежденного пацифиста звучат слова Грасиана в «Карманном оракуле»: «Миролюбивый – долговечный. Хочешь жить – давай жить другим. Миролюбцы не просто живут – они благоденствуют» [2, с. 44]. В главе VIII «Критикона» словами одного из героев Грасиан прямо утверждает: «...война ныне – для дерзких безумцев, высшая храбрость в том, чтобы не ввязываться в войну». Автор «Критикона» сетует на то, что многие из современных проблем и бед происходят от того, что нынешнее поколение не знает прошлого: «Являются беспокойные души, охотники до опасных перемен, не испытавшие ужасов войны, – они топчут изобильную мирную жизнь, и сами гибнут, вздыхая по ней» [2, с. 279, 281, 461].

Грасиан с пессимизмом смотрит на перспективу прекращения войн и утверждение всеобщего мира. «Войны неизбежны, – утверждает он, – так как являются источником доходов солдат и военачальников» [2, с. 113]. И хотя тот же пессимизм преобладает в рассуждениях писателя о современном состоянии общества и государства («никак не хотят возвращаться века золотые»), нередко в его сочинениях можно заметить оптимистические нотки, свойственные гуманистической эпохе. Так, в главе VII «Критикона» автор высмеивает неких «стариков-самохвалов», которые превозносили старые времена и хулили настоящие порядки и людей: «Вот так они целый божий день злословят о нынешнем веке – не знаю, как век их терпит. Им кажется, что нынче все ничего не смыслят, только они умны. Все помоложе – для них молодежь, мальчишки...» [2, с. 427]. Грасиан верит в творческую личность. Для его сочинений характерна кардинальная противоположность личности и массы. Если сознание массового человека догматично и порой фанатично, личность критична. Она всегда в поиске лучшего, более совершенного. Так, главный герой «Критикона» Критило заявляет: «Я никогда не иду туда, куда идут все... хочу пойти туда, куда не ходит никто... Хочу быть человеком» [2, с. 155]. Приведенное выше подтверждает вывод Л. Е. Пинского о том, что сочинения Бальтасара Грасиана «пронизаны характерной для барокко жесткой антиномией воли (природы) и разума (духа), акцентируется спасительная роль просвещенного “благоразумия”, неустанного напряженного внимания и осторожного недоверия к себе и окружающему миру» [1, с. 506]. Парадоксальная антиномичность Грасиана проявляется практически во всем: в оценках прошлого и настоящего, в оценках преимуществ и недостатков войны и мира, в оценках отдельных личностей и их поступков. Причиной этого, по-видимому, была сама эпоха, эпоха кардинальных перемен во всех областях – в экономике, политике, культуре и сознании людей. Да и положение самого Грасиана было двойственным – с одной стороны, иезуит, с другой – писатель-гуманист... Отсюда в его мировоззрении и взглядах на различные стороны жизни можно наблюдать метание между двумя крайностями – реакционным догматизмом иезуита и гуманистическими идеалами человека новой эпохи. Отмеченная антиномичность писателя особо отчетливо проявилась в его исторических экскурсах, касающихся Испании.

Касаясь истории Испании, Грасиан сетует на то, что она не нашла должного отражения ни в сочинениях иностранных писателей, ни в работах самих испанцев. Отмечая, что «испанскую нацию все прочие обзывают неполитичной, варварской и попрекают, что у нее не нашлось пера латинского,

дабы достойно ее украсить», писатель вкладывает в уста одного из персонажей «Критикона» Нимфы следующее оправдание: «...испанцам милее орудовать шпагой, нежели пером; совершать подвиги, нежели их восхвалять...» [2, с. 240]. При этом историю Испании Грасиан считает «самой яркой и славной». В трактате «Политик», перечисляя достоинства и достижения своего кумира Фердинанда II Арагонского Католика (1452/53–1516), он пишет, что Фердинанд «основал самую большую до сегодняшнего дня монархию что касается религии, образа правления, богатства и других ценностей» [3, р. XIII]. Трактат исходит из само собой разумеющейся всемирно исторической роли Испании, католической («вселенской») державы, из божественной ее миссии, налагающей на королей австрийского дома, наследников Римской империи, спасительный для всего человечества, поистине единственный в своем роде героический долг. Грасиан не вдается в детали истории своей страны, не стремится проследить ее основные этапы и дать им оценку. Его исторические экскурсы посвящены отдельным выдающимся деятелям – героям, деяния которых обеспечили славу и могущество Испании. И первое место среди таковых занимает Фердинанд Католик. Однако сам автор в начале трактата «Политик» (полное название «Фердинанду Арагонскому Политику») замечает, что здесь «скорее, дается критика многих королей, нежели панегирик одному» – намек на несовершенство настоящих правителей Испании, не сумевших не только приумножить ее достижения, но и сохранить прежнее. По мнению автора трактата, Фердинанд являлся воплощением лучших черт как человек и лучших качеств как правитель: «...это великий учитель искусства правления, самый большой оракул государственного разума» [3, р. III]. Грасиан приписывает Фердинанду заслуги в создании мировой державы посредством активной внешней политики: «Он стремился к тому, чтобы украсить свое чело восточными камнями, также, как и западными жемчугами... И если не достиг этого в свои дни, он указал путь своим преемникам».

Грасиану близка и приятна идея империи. В названном трактате, восхваляя Испанскую монархию, он сравнивает ее с такими великими империями прошлого, как Римская эпохи Константина Великого и Франкская – Карла Великого. В то же время Грасиан не мог не видеть заката славы и былого могущества испанского абсолютизма (что особо явно обозначилось к концу Тридцатилетней войны). Он, как и все патриотически настроенные испанцы, выражает по этому поводу сожаление и ищет причины. В данном случае взгляды Грасиана, ярко выраженного гуманиста, вполне вписываются в преобладающую на заключительном этапе Воз-

рождения тенденцию интерпретировать происходящее в стране как следствие порочного и злого начала в человеке, о чем уже было сказано выше. Выход виделся в обращении к разуму, который должен помочь человеку усовершенствовать и себя, и весь мир. Отсюда морализаторское начало преобладает во всех рассуждениях автора, касающихся власти, общества, человека.

Современные Грасиану события и факты испанской истории по большей части нашли лишь косвенное отражение в его сочинениях. Он лишь однажды в «Критиконе» упоминает двух современных ему правителей – королей Филиппа III (1598–1621) и Филиппа IV (1621–1665) Габсбургов. Когда герои книги, прибыв в Рим, увидели, как в «мастерских разумения» лепили идеального короля: «...руки ему дали императора Карла Пятого, голову Филиппа Второго, сердце Филиппа Третьего и рвение к вере католической короля Филиппа Четвертого» [2, с. 415]. Живя в условиях политической нестабильности в Европе и в самой Испании, Грасиан часто на страницах своих сочинений высказывается за важность и необходимость политического единства в стране. Сравнивая в «Политике» испанскую монархию с французской, автор замечает, что «управлять Францией проще, поскольку эта страна географически и национально однородна, там существует единообразие законов, сходство обычаев и языка». В Испании иначе: «Здесь необходимы большие усилия, чтобы сохранить ее единство, т. к. страна состоит из многих провинций с различными климатическими условиями, населена различными нациями, различающимися своими традициями и говорящими на разных языках» [3, р. VI]. В результате «среди народов Испании нет дружбы», – сетует автор. Так, Кастилия у него – «провинция, которую невозможно умиротворить», «Арагон, напротив, всегда стабилен». Выходец из Арагона, Грасиан постоянно выделяет его среди других провинций. «Арагон – это истинная Испания», – утверждает он. Особую тревогу у Грасиана вызывает обстановка в Каталонии, постоянно стремящейся к независимости. Он осуждает восстание каталонцев, начавшееся в 1640 г. и поддержанное французами. Грасиан приветствует победу герцога де Альбукерке над французским флотом у берегов Каталонии.

Небезинтересны многочисленные, хотя и предельно краткие, характеристики даваемые Грасианом отдельным городам и местностям современной ему Испании. Столицу страны Мадрид писатель характеризует как «мать-мечеху». С одной стороны, это «венценосный центр империи, куда стекается все лучшее и примечательное, с другой – все пороки». Для Мадрида характерна неопрятность, «в нем так и не стерлись следы деревни...

это сущий Вавилон, где кое-как ютятся все племена и народы». Особо восторженно отзывается автор об Эскориале, называя его «величественным храмом католического Соломона» (так называет писатель Филиппа II, построившего знаменитый монастырь Сан-Лоренсо дель Эскориал и сделавшего его своей резиденцией). В Эскориале путешественники – герои «Критикона» – увидели «блеск королевской власти, триумф католической веры, высокий образец зодчества, верх изящества в старинном и новом вкусе, дивное творение многих искусств». Севильей «завладела низкая корысть, превратив город в набитое серебром брюхо» (в Севилье помещалась Торговая палата, учрежденная в 1503 г. и ведавшая заморской торговлей, а также находились склады для товаров в Америку и привозимых из нее драгоценных металлов), «да и жители тамошние – не то белые, не то негры; говорят много, делают мало – болезнь всех андалузцев». С особым почтением относится Грасиан к своей родине Сарагосе. Сарагоса – «глава Арагона, изобильна, мать великих королей, оплот веры католической, полная храмов и прекрасных сооружений, населенная, как и весь Арагон, людьми доблестными, бесхитростными». «Вот только нет там теперь величия духа», – сетует писатель. Его удручает присущее арагонцам упрямство: «сделают глупость и упрутся на своем». Валенсию Грасиан не любит, хотя и называет ее «веселой, цветущей, благородной, всем обильной». Валенсия не гостеприимна, «сегодня с легкостью примут, завтра с такой же легкостью изгонят», – замечает он. (Эта нелюбовь была связана, по-видимому, с тем, что в свое время за вольные высказывания Грасиан был по повелению руководства ордена иезуитов переведен из Арагона в Валенсию, а там был наказан публичным покаянием.) Барселону, «хотя она по милости божьей, богата, вроде Италии, и злата в ней не счесть, и в окружении варваров, и правят там люди просвещенные», писатель считает «ненадежной»: «там гляди в оба, ходи с бородой на плече». Вальядолид «стойлом пахнет, деревней от него разит». В Памплоне «домов много, умов мало, гориста да гонориста, словом, столица Наварры». Толедо автор выделяет как центр учености, где «даже католическая королева Изабелла, по ее словам, чувствовала себя глупой». Грасиан называет Толедо «кузницей личностей», «мастерской разума», «школой красноречия», «столицей во всем», «сердцем Испании, пусть не материальным, зато спиритуальным».

В сочинениях Грасиана довольно часто встречаются характеристики и оценки разных стран и народов. При этом сама критическая направленность сочинений писателя-моралиста предопределила форму и характер характеристик и оценок. Во-пер-

вых, пороки людские и культуры в целом у него национально локализованы и часто персонифицированы; во-вторых, Грасиан акцентирует в национальном характере его отличительные недостатки или пороки чаще, чем достоинства. Эту особенность сочинений писателя можно объяснить самой политической обстановкой в Испании и в Европе в целом. Грасиан писал в годы английской революции, которую порицал, как и ее деятелей в лице Кромвеля («сын пивовара... недостойный, случайный человек у власти»), писал, находясь под впечатлением беспрецедентной для европейцев казни короля Карла I; в разгар пуританского религиозного и социального экстремизма. Не могла не оказать влияния на писателя-гуманиста и сама эпоха господства меркантилизма в экономической политике, жажда наживы, охватившая европейские страны. Наконец, современная Грасиану политическая нестабильность, вражда с Францией и другими странами в рамках 30-летней войны. В силу отмеченного Грасиан в характеристике испанцев и других народов часто оказывался в плену некритически усвоенных стереотипов. Отметим еще то, что автор даваемых характеристик нигде не стремится их развернуть и обосновать. Они представлены как штамп или ярлык.

Чаще всего в «Критиконе» встречаются характеристики соотечественников автора – испанцев. Приведем наиболее часто встречающиеся: они «чванливы, горды, любят похвалиться своими древними родами, самолюбивы, с презрением относятся к другим», «желают всеми повелевать и никому не хотят служить», для них характерны «щегольство, пусторечие и важничанье». Причем, замечает автор, «этими качествами владеют все и дворяне, и простолюдины». В то же время часто Грасиан наделяет испанцев качествами, соответствующими их великой стране. Показателен в этом отношении раздел «Завещание Мужества» главы VIII «Критикона». Здесь в притче рассказывается о том, как Мужество раздавало свою долю каждой нации. Испанцы пришли последними и им ничего не досталось. Тогда Мужество сказало: «поскольку вас беспокоят все прочие народы, обратитесь против них, повторите то, что прежде вас сделал Рим: ударьте на всех и с моего позволения надерите всем вихры. Так испанцы и поступили, наловчившись так, что вряд ли в мире найдется народ, которому они не дали бы трепки; хватили у одного, хватили у другого – и вскоре все Мужество с головы до ног оказалось у испанцев».

Больше других от язвительного писателя достается англичанам и французам – извечным противникам Испании. Свою нелюбовь к Франции Грасиан объясняет ее агрессивностью. «Францию можно было бы почитать за великую страну, если бы она

довольствовалась собой и не зарилась на чужое», – замечает писатель. Его конкретное отношение к французам отражает диалог двух героев «Критикона» – Стосердечного и Критило, где первый называет положительные стороны Франции и французов, а второй их оспаривает. Обратимся к некоторым из характеристик:

«Как просторны и приятны равнины!

Но по ним гуляют ветры, отсюда и ветреность обитателей.

Сколько изобретательности!

Но лишь в ремеслах.

Сколько трудолюбия!

Но только в делах пошлых, это самый вульгарный народ на свете.

Как воинственны и храбры ее жители!

Но суетливы: это домовые Европы, пакостят на море и на суше.

Многое замышляют.

Но мало свершают и ничего не сохраняют; на все зарятся и все теряют.

Как остроумны, быстры, поворотливы!

Но поверхностны.

Любят труд.

Это так, но заодно и деньги.

Вы не отрицаете, что у них были великие короли.

Но от этих великих толку было очень мало.

Бережливы.

Еще как! Унция серебра им дороже кинтала чести. В первый день они – рабы, на второй – хозяева, а на третий – тираны несносные. Середины не знают, только крайности, то человечны, то бессердечны. Короче, они – антиподы испанцев» [2, с. 276–277].

Поскольку Критило является главным героем Грасиана, в уста которого автор чаще всего вкладывает свои собственные взгляды и оценки, его отношение к Франции очевидно. В главе XIII «Критикона», где автор дает краткие характеристики ряду европейских стран, он еще более резко высказывается о французах: «Алчность поселилась на всей ее территории, от Гаскони до Пикардии и повсюду рассадил своих бедных родственников: Скупость, Малодушье, Трусость, Рабскую приниженность перед другими народами и готовность исполнять за гроши самую черную работу, привычку ходить голыми и босыми, держа башмаки подмышкой... французы – это две крайности, без середины» [1, с. 181–182]. Непримиримый Грасиан считает, что сама «прозорливая Природа навсегда разделила Пиренеями Испанию и Францию – два главных государства Европы, укрепив первую против второй стеною суровости и сделав их столь же далекими в политике, сколь близкими в пространстве» [2, с. 222–223].

Рассуждения об Англии менее пространны, хотя столь же резки, как относительно Франции и

французов. В этой стране, как считает писатель, «обосновалось Непостоянство», англичане «суеживы», они «столь же уродливы душой, сколь красивы телом». Въезжающий в эту страну должен опасаться вероломства и обмана. Черными страницами в истории этой страны Грасиан считает Реформацию, в самых резких выражениях порицая «безбожника» Генриха VIII, и буржуазную революцию, осуждая террор Оливера Кромвеля и казнь короля Карла I [2, с. 455].

Германию писатель считает богатой и сытной. Главной ее проблемой он считает раздробленность. «Простору много, но толку мало, взяла количеством, не качеством», – замечает один из героев «Критикона». «Там не одно государство, а много, составляющих одно; коль приглядеться, каждый князь – почти король; каждый город – столица; каждый дом – дворец; каждый замок – цитадель; и вся она – собрание многолюдных городов, блестящих столиц, пышных храмов, прекрасных зданий и неприступных крепостей» [2, с. 364]. Автор считает, что раздробленность Германии причиняет ей наибольший вред и приведет к гибели: «...больше княжеств, больше голов; больше голов, больше причуд; больше причуд, больше раздоров». Далее, опять же на примере диалога двух героев «Критикона» «Удачника» – почитателя Германии и «Критило» – ее критика, посмотрим, какими характеристиками награждает Грасиан немцев:

«Это самые большие люди в Европе, утверждает первый.

О да, но не самые великие.

Какие хладнокровные!

И холодные.

Какие храбрые!

Даже жестокие.

Какие высокие!

Но ничуть не возвышенные.

Какие сильные!

Но не мужественные. Телом гиганты, духом карлики.

Скромны в одежде.

Но не в еде и питье.

У них великие мастера ремесла.

Но нет великих ученых.

Даже пальцы у них поразительно искусны.

Лучше бы мозги.

Ни одно войско без них не обходится.

Как тело без желудка.

Их знать славится древностью.

Добро бы благочестием! Но беда Германии в том, что, в отличие от прочих стран Европы, ставших славными матерями знаменитых патриархов, учредителей Священных орденов, Германия, напротив...» [1, с. 365]. С большим почтением Грасиан отзывается об Италии, называя ее «культурной,

что равнозначно нарядная, учтивая, политичная, и разумная». Сравнивая Италию с Испанией, писатель отмечает, что Италия более подвержена изменениям: «Испания донныне пребывает все в том же виде, какую бог ее сотворил, и тамошние обитатели ни в чем ее не улучшили... Италия, напротив, настолько изменилась и улучшилась, что первые ее обитатели, кабы пришли теперь, ее бы не узнали: горы выровнены и превращены в сады, реки судоходны, на морских побережьях выросли дивные города с гаванями; все города, как на подбор, славятся нарядными зданиями, храмами, дворцами и замками, площади украшены фонтанами и бассейнами; деревни – сады Элизиума; словом, в одном итальянском городе больше есть чем полюбоваться и насладиться, нежели в целой области другой страны». Более всего Грасиан-гуманист превозносит Италию как центр науки и культуры, называя ее «разумной матерью наук и искусств», где «процветает изящная словесность, которой в помощь самый нежный, богатый и выразительный язык». «Здесь все достигло зрелости и почета, – заключает автор: политика, поэзия, история, философия, риторика, ученость, музыка, живопись, зодчество, ваяние...». Особый восторг у Грасиана вызывает Рим «воплощение всего лучшего, что есть во всех столицах мира». Рим – это «вершина знания и благочестивый вход на небо... мастерская великих людей... здесь куются умы, оттачиваются таланты, здесь люди становятся личностями» [2, с. 443, 450].

Относительно других стран и народов мы находим у Грасиана лишь отдельные реплики и эпитеты. Называя саму Европу «прекрасным лицом мира», лица разных стран Европы писатель определяет следующим образом:

«Испании – важное; Англии – смазливое; Франции – игривое; Италии – рассудительное; Германии – румяное; Швеции – дерзкое; Польше – добродушное; Греции – изнеженное; Московии – хмурое...» [2, с. 374]. Далее он пишет, чего должен опасаться приезжающий в ту или иную страну: «...в Испанию – злобы; во Францию – подлости; в Англию – вероломства; в Германию – грубости; в Италию – мошенничества» [2, с. 400].

В целом обращение к сочинениям Бальтасара Грасиана не только как к яркому памятнику испанской и мировой гуманистической литературы, но и как к своеобразному, интересному и содержательному историческому источнику дает основание углубить наше представление об эпохе, в которой жил и писал этот интересный и своеобразный мыслитель, ученый, писатель. Его исторические экскурсы, меткие, порой острые и не во всем бесспорные оценки и выводы, позволяют нарисовать более живую и яркую картину современной Испании и ряда других стран Европы.

Список литературы

1. Пинский Л. Е. Бальтасар Грасиан и его произведения // Бальтасар Грасиан. Карманный оракул. Критикон. М., 1984. С. 499–544.
2. Бальтасар Грасиан. Карманный оракул. Критикон. М.: Наука, 1984. 632 с.
3. Baltasar Gracian. El Politico // Biblioteca virtual Miguel de Servantes / bib. Cervantesvirtual.com.
4. Baltasar Gracian. El Heroe // Biblioteca virtual Miguel de Servantes / bib. Cervantesvirtual.com.

Батурич А. П., профессор.

Кемеровский государственный университет.

Ул. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650043.

E-mail: rinutab@mail.ru

Материал поступил в редакцию 28.09.2011.

A. P. Baturin

WESTERN EUROPEAN POLITICAL THOUGHT IN THE 17TH CENTURY. POLITICAL IDEAS IN THE WORKS OF SPANISH WRITER-HUMANIST BALTASAR GRACIAN

The article attempts to analyze well-known in our country and also not translated works of Spanish writer-humanist in as a historical source. Attention is focused on writer's evaluation of contemporary history of Spain and other European countries.

Key words: *Baltasar Gracian, Spanish absolutism, the Spanish humanist literature.*

Kemerovo State University.

Ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russia, 650043.

E-mail: rinutab@mail.ru